

Б. Н. Чичерин

**История политических
учений**

Часть 3 Новое время

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Б11

Б11 **Б. Н. Чичерин**
История политических учений: Часть 3 Новое время / Б. Н. Чичерин – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 445 с.

ISBN 978-5-518-07319-7

ISBN 978-5-518-07319-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ное чувство, которое одобряет или осуждает извѣстные дѣйствія, и тѣмъ даетъ намъ внутреннее удовлетвореніе или неудовлетвореніе, совершенно независимо отъ получаемыхъ нами выгодъ или невыгодъ. Сюда же относится чувство чести, въ силу котораго мы ощущаемъ удовольствіе отъ чужаго уваженія и похвалы, также чувство приличія и достоинства; далѣе, естественное желаніе брачной жизни, любовь къ дѣтямъ, прирожденное человѣку стремленіе къ общежитію, наконецъ, религіозное чувство ¹⁾).

Всѣ эти разнообразныя опредѣленія, совмѣщаясь въ одномъ лицѣ, требуютъ извѣстнаго порядка и подчиненія. Необходимо, чтобы какая нибудь способность управляла другими. Что же это за способность?

Отчасти эта роль принадлежитъ разуму, который можетъ сравнивать различныя стремленія и взвѣшивать относительное ихъ достоинство. Но разумъ движется въ подчиненной области; онъ служитъ орудіемъ другихъ способностей, а самъ не въ состояніи ими управлять. Онъ можетъ указать только средства и второстепенныя цѣли; конечныя же цѣли, которыя составляютъ верховное опредѣляющее начало человѣческой дѣятельности, выходятъ изъ его кругозора. Къ конечной цѣли мы стремимся въ силу какого нибудь непосредственнаго опредѣленія души, которое всегда предшествуетъ сужденію, ибо мысль тогда только движется къ дѣйствию, когда есть предварительное желаніе цѣли ²⁾).

Еслибы единственною конечною цѣлью человѣка было собственное его счастье, то спокойное самолюбіе было бы руководящимъ началомъ всей его дѣятельности. Но въ человѣкѣ есть, кромѣ того, совершенно безкорыстное желаніе чужаго добра, дѣйствующее помимо всякихъ личныхъ видовъ. Это ясно изъ того, что личная польза, какъ конечная цѣль, можетъ быть причиною только вишнихъ дѣйствій, направленныхъ къ чужому благу, но никакъ не можетъ произвести внутренняго расположенія къ другимъ. Последнее совершенно независимо отъ нашей воли. Оно одобряется внутреннимъ чувствомъ, хотя бы оно вовсе не достигало цѣли. Это внутреннее доброжелательство не можетъ быть объяснено и тѣмъ удовольствіемъ, которое мы получаемъ отъ сочувствія къ другимъ. Доброжелательство дѣйствуетъ и помимо сочувствія: мы расположены къ человѣку, котораго считаетъ хорошимъ, даже когда ничего не знаемъ

¹⁾ Syst. of. Mor. Phil. Book. I, chap. 1. 2.

²⁾ Тамъ же, ch. 3. § 1.

о томъ, счастливъ онъ, или несчастливъ. Притомъ, когда мы сочувствуемъ другимъ, мы отнюдь не имѣемъ въ виду то удовольствіе, которое мы отъ этого получаемъ; удовольствіе составляетъ только послѣдствіе нашего безкорыстнаго доброжелательства ¹⁾. Очевидно, слѣдовательно, что у насъ есть доброжелательныя наклонности, независимыя отъ самолюбія. Которымъ же изъ нихъ мы должны дать предпочтеніе?

При разрѣшеніи этого вопроса, мы не можемъ ссылаться на то, что воля Божія, которая должна быть для насъ закономъ, имѣетъ въ виду всеобщее счастье, а потому требуетъ, чтобы мы доброжелательство предпочитали самолюбію; ибо спрашивается: почему мы должны сообразоваться съ волею Божьею? Если изъ желанія награды, то конечною цѣлью нашихъ дѣйствій будетъ все таки личное удовлетвореніе; если же мы побуждаемся любовью, благодарностью, уваженіемъ къ нравственному совершенству Высшаго Существа, то эти чисто нравственныя начала предполагаютъ извѣстное душевное свойство, въ силу котораго нравственные побужденія должны быть владычествующимъ опредѣленіемъ нашей воли. Это и есть нравственное чувство, изслѣдованіе котораго раскрываетъ намъ все нравственное существо человѣка ²⁾.

Гучисонъ тщательно анализируетъ это свойство, стараясь отдѣлить его отъ смежныхъ съ нимъ началъ. Внутреннее одобреніе нравственныхъ поступковъ, говоритъ онъ, совершенно отлично отъ того удовольствія, которое доставляетъ намъ удовлетвореніе нашихъ доброжелательныхъ наклонностей: мы одобряемъ нравственные поступки даже у враговъ, къ которымъ мы вовсе не расположены. Оно отлично и отъ того удовольствія, которое оно само намъ доставляетъ: мы хвалимъ поступокъ не потому, что онъ намъ пріятенъ, а потому что онъ самъ по себѣ хорошъ. Вообще, добродѣтель одобряется не вслѣдствіе той пользы или удовольствія, которыя она доставляетъ дѣйствующему лицу или зрителю; тутъ есть чисто объективное начало, лежащее въ самомъ поступкѣ. Но это объективное начало, какъ уже было указано выше, не есть сообразность поступка съ волею или законами Божьими: мы приписываемъ нравственные свойства самому Божеству. Оно не заключается и въ сообразности дѣйствія съ разумомъ, съ истиною, съ природою вещей, какъ полагаютъ нѣкоторые. Истина состоитъ въ соответствіи нашихъ

¹⁾ S. of M. Ph. B. I, ch. 3, §§ 2—5.

²⁾ Тамъ же, § 6.

суждений съ дѣйствительностью, а потому истинными могутъ быть даже сужденія о порокахъ. Сообразность поступковъ съ извѣстною цѣлью также не дѣлаетъ ихъ добрыми: надобно, чтобы самая цѣль была хороша. Цѣль же указывается не разумомъ, а чувствомъ. Всякія разумныя побужденія къ дѣятельности предполагаютъ извѣстное первоначальное опредѣленіе воли, стремящееся къ цѣли. Точно также и всякія одобряющія сужденія предполагаютъ первоначальное воспринимающее чувство, изъ котораго мы черпаемъ понятія о томъ, что хорошо и что дурно. Тутъ нельзя ссылаться на привычки, на воспитаніе, на искусственное сочетаніе понятій: все это непремѣнно предполагаетъ какое нибудь первоначальное чувство, которое даетъ имъ матеріалъ. Всѣ наши дѣятельныя способности сопровождаются этого рода чувствами или вкусами, которые указываютъ дѣятелю настоящее ихъ употребленіе, посредствомъ того удовольствіенія, которое они ему доставляютъ. Самые животныя чувствуютъ удовольствіеніе, когда они слѣдуютъ своимъ инстинктамъ. Такое же удовольствіеніе сопровождаетъ и употребленіе высшихъ способностей челоуѣка, и этимъ опредѣляется то одобреніе, которое мы даемъ нравственнымъ поступкамъ. Есть дѣйствія, которыя сами по себѣ намъ нравятся, а другія не нравятся. Также, какъ низшія способности, это нравственное чувство можетъ совершенствоваться безъ всякаго отношенія къ разуму. Наконецъ, оно само указываетъ намъ на то, что оно назначено господствовать надъ другими силами души и управлять всею нашею дѣятельностью. Мы понимаемъ это непосредственно, какъ только сознаемъ въ себѣ нравственныя понятія. Всего яснѣе это оказывается въ томъ, что мы ощущаемъ въ себѣ высшее удовольствіеніе, когда мы всѣмъ жертвуемъ нравственнымъ требованіямъ ¹⁾).

• Какого же рода поступки одобряются нравственнымъ чувствомъ? Всѣ тѣ, къ которымъ челоуѣкъ побуждается доброжелательствомъ къ ближнимъ. Напротивъ, дѣйствія, которыхъ единственною цѣлью является личное удовольствіеніе, не одобряются. Впрочемъ, пока личныя стремленія не превышаютъ мѣры и не наносятъ зла другимъ, они также и не осуждаются. Мы получаемъ отъ нихъ извѣстное удовольствіе, совершенно однако отличное отъ того удовольствіенія, которое доставляетъ намъ нравственное чувство. Но когда личныя цѣли перевѣшиваютъ доброжелательныя наклонности, онѣ становятся предметомъ осужденія.

¹⁾ S. of M. Ph. Book I, ch. 4, §§ 1—6.

Что касается до самых доброжелательных наклонностей, то из них некоторые одобряются болѣе, другія менѣе. Чѣмъ шире доброжелательство, тѣмъ больше одобрение. Всеобщее доброжелательство заслуживаетъ наибольшую хвалу. Наконецъ, высшую степень одобренія получаетъ само нравственное чувство, когда оно является свойствомъ извѣстнаго лица. Эта любовь къ нравственному совершенству составляетъ сущность истиннаго благочестія и поклоненія Богу ¹⁾).

Такимъ образомъ, посредствомъ нравственнаго чувства, всѣ наши способности приводятся въ согласіе и подчиняются одна другой ²⁾). Это чувство существуетъ во всѣхъ людяхъ; всѣ одинаково одобряютъ добрыя дѣйствія и осуждаютъ злыя. Если въ этомъ отношеніи есть различія, то они происходятъ отъ неправильности сужденій, а не отъ разнообразія чувствъ. Главныя причины отклоненій суть: 1) различныя мнѣнія о томъ, что составляетъ счастье человѣка; 2) болѣе или менѣе обширный кругъ понятій, въ которомъ вращаются люди: одни имѣютъ въ виду только свое отечество или даже свою партію, другіе — весь человѣческій родъ; 3) различныя мнѣнія о томъ, что считается волею Божьею: отсюда одобрение, напримѣръ, человѣческихъ жертвоприношеній, инквизиціи и т. п. Нравственное чувство всегда есть, но оно нерѣдко превѣшивается и затмѣвается другими понятіями и стремленіями ³⁾).

Таковы основанія теоріи Гучисона. Очевидно, что она вся коренится въ системѣ Локка. Разумъ, по этому воззрѣнію, не даетъ намъ никакихъ самостоятельныхъ началъ познанія или дѣятельности; онъ низводится на степень простаго орудія и ограничивается сближеніемъ данныхъ, представляемыхъ чувствами. Поэтому, какъ скоро мы находимъ самостоятельное понятіе или стремленіе, такъ мы непремѣнно должны предположить особое чувство, изъ котораго оно истекаетъ. Отсюда наклонность всѣхъ послѣдователей шотландской школы разнообразить до безконечности человѣческія способности. Мы видѣли, что у Гучисона, рядомъ съ нравственнымъ чувствомъ являются чувство чести и чувство приличія и достоинства, которыя отличаются отъ перваго вслѣдствіе того, что самыя понятія о чести, приличіи и достоинствѣ не подходятъ подъ нравственныя правила. Такимъ образомъ, для cadaго рода поня-

¹⁾ S. of M. Ph. Book I, ch. 4, §§ 7—10.

²⁾ Тамъ же, § 12.

³⁾ Тамъ же, ch. 5, §§ 6, 7.

тій нуженъ особый органъ въ человѣческой душѣ, и притомъ органъ двоякаго рода: по теоріи Гучисона, каждая дѣятельная способность сопровождается соотвѣтствующимъ воспріимчивымъ чувствомъ или вкусомъ, указывающимъ надлежащее ея употребленіе посредствомъ того удовлетворенія, которое она доставляетъ дѣтелю.

Ясно, что по этому воззрѣнію, самая нравственность нисходитъ на степень простаго вкуса. Этотъ выводъ и былъ въ послѣдствіи сдѣланъ скептицизмомъ. Но въ такомъ случаѣ, она не можетъ имѣть притязанія на первенствующее значеніе въ человѣческой жизни. По увѣренію Гучисона, само внутреннее чувство непосредственно говоритъ намъ, что оно должно быть властвующимъ въ душѣ человѣка. Но оно говоритъ это только тѣмъ, у кого оно преобладаетъ. Въ комъ эгоистическія стремленія имѣютъ перевѣсъ, тотъ естественно будетъ слѣдовать послѣднимъ, и отъ него нельзя требовать ничего другаго. Вообще, никакое субъективное чувство не можетъ быть возведено на степень общаго закона для человѣческой дѣятельности. Чувства разнообразны и противоположны другъ другу. Чтобы рѣшить, которое изъ нихъ должно имѣть перевѣсъ, необходимо общее начало, возвышающееся надъ ними, а таковымъ можетъ быть только разумъ, который одинъ можетъ одобрять или не одобрять дѣйствія, смотря по тому, согласны они съ его требованіями или нѣтъ. Одобреніе есть сужденіе, а всякое сужденіе принадлежитъ разуму, хотя онъ не всегда способенъ выяснить причины своего приговора. Гучисонъ утверждаетъ, что разумъ можетъ судить только о средствахъ, а никакъ не о конечной цѣли; но понятіе о высшей конечной цѣли, о всеобщемъ добрѣ, дается разумомъ, а не чувствомъ. Непосредственно мы стремимся лишь къ частнымъ цѣлямъ. Чтобы рѣшить, которая изъ нихъ согласна съ общимъ требованіемъ, опять таки необходимо общее, то есть, разумное начало. Самъ Гучисонъ выдаетъ вложенное въ человѣка нравственное чувство за средство, установленное Богомъ для осуществленія всеобщаго добра ¹⁾; спрашивается: откуда беремъ мы подобную мысль? Само ли нравственное чувство говоритъ намъ, что оно есть средство для высшей, божественной цѣли? Очевидно нѣтъ, ибо оно о божественныхъ цѣляхъ ничего не знаетъ и не въ состояніи судить о томъ, что выходитъ изъ его кругозора. Источникомъ подобнаго сужденія можетъ быть единственно разумъ, кото-

¹⁾ S. of M. Ph. B. I. ch. 9, § 6.

рый такимъ образомъ, посредствомъ идеи всеобщаго добра, становится судьей самаго нравственнаго чувства. Дѣло въ томъ, что эта высшая конечная цѣль человѣка, идея всеобщаго добра, не есть ничто непосредственно данное. Она означаетъ согласіе всѣхъ вещей, которое одобряется разумомъ потому именно, что это — высшее разумное начало, единство всего сущаго и познаваемаго. Ясно, что это понятіе вырабатывается разумомъ, а не чувствомъ, которое непосредственно относится только къ частнымъ дѣйствіямъ и предметамъ.

Мы видимъ здѣсь всю недостаточность теоріи Локка. Отвергая всякія общія начала, какъ производныя, она вела къ необходимости остановиться на какомъ нибудь непосредственномъ чувствѣ, которое бы служило человѣку высшимъ мѣриломъ его сужденій и дѣйствій. Но въ приложеніи къ нравственности, эта точка зрѣнія могла породить только неразрѣшимыя противорѣчія: внутреннее чувство должно судить о конечной цѣли, а между тѣмъ, въ результатѣ, оно само является средствомъ; оно призвано управлять всею дѣятельностью человѣка, какъ высшее требованіе, которому должно подчиняться все остальное, а между тѣмъ, въ сущности, оно само ничто иное, какъ извѣстнаго рода вкусъ, то есть, болѣе или менѣе случайное явленіе, которое стоитъ наряду съ другими и никакъ не можетъ имѣть притязанія на господство. Руководствуясь тонкимъ анализомъ понятій, Гучисонъ старается отличить нравственное одобреніе отъ всякихъ субъективныхъ ощущеній; онъ ищетъ для нравственности объективныхъ началъ, но такъ какъ для послѣднихъ нѣтъ мѣста въ его системѣ, то окончательно все сводится опять къ чисто субъективному чувству, которое тѣмъ менѣе можетъ служить общимъ руководителемъ, что оно далеко не у всѣхъ существуетъ въ достаточной для того степени. Самъ Гучисонъ сознается, что у людей вообще есть сильная склонность къ личному счастью, склонность, которая нерѣдко перевѣшиваетъ нравственныя требованія. Поэтому онъ старается доказать, что добродѣтель, служа общему благу, вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ и высшее личное счастье человѣку ¹⁾.

Доказательство берется изъ сравненія различныхъ удовольствій, которыя испытываютъ люди. Каждый непосредственно чувствуетъ, которое изъ двухъ ощущаемыхъ имъ удовольствій выше. Разумъ, съ своей стороны, даетъ намъ понятія о продолжительности и о послѣдствіяхъ

¹⁾ S. of M. Ph. B. I, ch. 5, § 8.

того и другаго наслажденія. Такимъ образомъ, исправляя ложныя мнѣнія объ ихъ цѣнѣ, онъ служитъ главнымъ средствомъ для умѣренія минутныхъ влеченій и для достиженія высшаго по возможности счастья. Гучисонъ сравниваетъ различныя удовольствія относительно ихъ достоинства и продолжительности. И въ томъ и въ другомъ отношеніи, предпочтеніе отдается удовольствіямъ нравственнымъ, какъ самымъ благороднымъ и доставляющимъ наиболее продолжительное ощущеніе. Точно также и нравственныя страданія онъ ставитъ выше всѣхъ другихъ ¹⁾. Здѣсь, конечно, возникаетъ самое простое возраженіе, что вкусы у людей разные, что отнюдь не всѣ считаютъ нравственныя удовольствія высшими, а напротивъ, многіе предпочитаютъ наслажденія физическія, а такъ какъ все здѣсь окончательно сводится къ личному ощущенію, то невозможно постановить какое бы то ни было общее правило. Но Гучисонъ отрицаетъ у людей, преданныхъ чувственнымъ удовольствіямъ, способность судить о высшихъ наслажденіяхъ. Истинными судьями, по его мнѣнію, могутъ быть только тѣ, которые испытали то и другое, то есть, люди добродѣтельные ²⁾. Опроверженіе, нельзя не сказать, весьма слабое, основанное на совершенно произвольномъ положеніи. Невозможно утверждать, что люди, привязанные къ чувственнымъ удовольствіямъ, вовсе не знакомы съ духовными. Нерѣдко они весьма хорошо знаютъ послѣднія, но непосредственное чувство заставляетъ ихъ предпочитать первыя. Если человѣкъ бѣжитъ семейной жизни для продажныхъ красавицъ, то это происходитъ вовсе не оттого, что ему семейная жизнь незнакома, а оттого что другія прелести для него болѣе привлекательны. Вообще, въ личномъ чувствѣ нѣтъ ничего, что бы могло служить общимъ мѣриломъ для всѣхъ; каждый слѣдуетъ здѣсь собственному вкусу. Другое дѣло, еслибы послѣдствіемъ добродѣтели всегда было счастье, а послѣдствіемъ порока или любви къ низшимъ удовольствіямъ—несчастье человѣка. Тогда можно бы сказать, что предающійся пороку избираетъ не тотъ путь, который ведетъ къ предполагаемой имъ санимъ цѣли. Но такое совпаденіе далеко не всегда встрѣчается въ жизни, и самъ Гучисонъ, заключивши изъ сравненія удовольствій и страданій, что истинное счастье всегда слѣдуетъ за добродѣлью, считаетъ однако это доказательство недостаточнымъ. По его собствен-

¹⁾ S. of M. Ph. B. I, ch. VII.

²⁾ Тамъ же, § 2.

ному сознанію, для полнаго утвержденія въ добродѣтели. нужно еще познаніе Бога, управляющаго міромъ и все приводящаго къ наилучшему исходу. „Благодѣ Божія, говоритъ Гучисонъ, есть великое основаніе нашего счастья и главная опора добродѣтели“¹⁾).

Откуда же получаемъ мы понятіе о Богѣ, объ этомъ высшемъ предметѣ нравственнаго чувства, какъ говоритъ Гучисонъ?

Если при выборѣ наслажденій разумъ отчасти являлся руководителемъ чувствъ, то здѣсь уже онъ даетъ самый матеріалъ. И по теоріи Гучисона, существованіе Бога доказывается не чувствомъ, а разумомъ. Познаніе окружающаго міра, въ которомъ мы усматриваемъ слѣды разумной дѣятельности, заставляетъ насъ предположить существованіе верховнаго, управляющаго всѣмъ Разума. Идея совершеннѣйшаго существа, которая въ насъ рождается, заставляетъ насъ приписать Богу всевозможныя совершенства. И въ этомъ, добытомъ разумомъ понятіемъ нравственное чувство находитъ конечную свою цѣль и главную свою поддержку. Высшія наши нравственныя обязанности относятся къ этому существу; скрытому отъ непосредственныхъ чувствъ. Разумъ дѣлаетъ заключенія о волѣ Божьей, и эти заключенія принимаются и подкрѣпляются, какъ нравственнымъ чувствомъ, такъ и личнымъ интересомъ²⁾. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ оказывается, что разумъ не только даетъ намъ познаніе средствъ и второстепенныхъ цѣлей, но указываетъ намъ и высшую нравственную цѣль, — божественныя совершенства. Разумъ, посредствомъ добытыхъ имъ высшихъ истинъ, становится руководителемъ и опорой нравственнаго чувства, которое исходитъ на степень средства къ достиженію верховной цѣли мірозданія, — всеобщаго добра.

Таковы результаты теоріи Гучисона. Они служатъ лучшею повѣрною всей его системы. Посмотримъ теперь на приложеніе этихъ началъ къ праву и политикѣ.

Держась нравственной точки зрѣнія, Гучисонъ послѣдовательно выводитъ юридическія отношенія изъ нравственныхъ. Правымъ, по его опредѣленію, называется, вообще, то дѣйствіе, которое имѣетъ въ виду или общее благо, или частное, совмѣстное съ общимъ. Отсюда возникаетъ другое, болѣе спорное понятіе о правѣ, какъ нравственномъ каче-

¹⁾ S. of M. Ph. B. I, ch. 9, § 15; ср. ch. 10, § 4.

²⁾ Тамъ же. B. I, ch. 9, 10: B. II, ch. 3, § 6.

ствѣ лица. Человѣку приписывается право дѣлать, имѣть или требовать что либо, когда это дѣйствіе, владѣніе или требованіе клонится къ общему благу или къ пользѣ лица, совмѣстной съ правами другихъ и съ общимъ благомъ. Такимъ образомъ, здѣсь являются два начала: общее благо и личное. Первымъ опредѣляется высшая степень правомѣрности, вторымъ низшая. Последняя подчиняется первой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и содержится въ ней, какъ часть въ цѣломъ. Польза всей системы требуетъ удовлетворенія всѣхъ заключающихся въ ней личныхъ желаній и стремленій, пока они не противорѣчатъ какому нибудь высшему началу. Поэтому полагается, что каждый имѣетъ право на такое удовлетвореніе. Это чувство права составляетъ основаніе и чувства свободы, которое состоитъ въ томъ, что каждый удовлетворяетъ своимъ желаніямъ по собственному усмотрѣнію, на сколько это не противорѣчитъ нравственнымъ требованіямъ ¹⁾. Изъ всего этого Гучисонъ выводитъ наконецъ слѣдующее опредѣленіе права на основаніи высшей, конечной его цѣли: *право есть то, что ведетъ къ общему благу* ²⁾.

Отсюда раздѣленіе правъ на совершенныя и несовершенныя, смотря по тому, въ какой степени общая польза требуетъ ихъ охраненія. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ важны, что они охраняются даже силою: таково право всякаго человѣка на жизнь, право на доброе имя, на неприкосновенность тѣла, на плоды честнаго труда, наконецъ, на всѣ дѣйствія, совершаемыя въ предѣлахъ естественнаго закона. Эти права, называемыя правами естественной свободы, должны быть обезпечены всякому, развѣ когда общая польза человечества требуетъ ихъ нарушенія. Общество не можетъ существовать, если они не считаются священными. Напротивъ, другія права, столь же священные въ глазахъ Бога, не охраняются силою, а предоставляются добровольнымъ отношеніямъ людей, ибо они не столь необходимы для существованія обществъ. Таково право бѣдныхъ на помощь богатыхъ, право благодѣтелей на благодарность и т. п. Наконецъ, существуетъ и третій видъ права, именно, право *внѣшнее*, которое въ сущности ничто иное, какъ призракъ права. Оно является тамъ, гдѣ извѣстное дѣйствіе, владѣніе или требованіе противорѣчитъ нравственнымъ началамъ, а между тѣмъ, по нѣкоторымъ отдаленнымъ видамъ общаго блага, оно не только не отрицаетъ

¹⁾ S. of M. Ph. Book II. ch. 3, §§ 1, 2.

²⁾ Тамъ же. § 7.

ся, а напротивъ, охраняется обществомъ. Такъ напримѣръ, немилосердый скупой имѣетъ только призракъ права на ту часть имущества, которую онъ, въ силу нравственной обязанности, долженъ бы былъ употребить на дѣла человеколюбія; однако это имущество обезпечивается ему закономъ, который запрещаетъ на него посягать ¹⁾).

Въ этомъ ученіи Гучисона явно полное смѣшеніе нравственныхъ и юридическихъ понятій, но не въ пользу того или другого начала, а съ уничтоженіемъ всякаго точнаго разграниченія обоихъ. Съ одной стороны, въ силу нравственныхъ требованій, высшимъ опредѣляющимъ началомъ права является общее благо, которому все должно подчиняться. Чисто юридическое понятіе о правѣ даже вовсе отвергается, какъ пустой призракъ или внѣшняя форма. Но съ другой стороны, самое общее благо, вслѣдствіе индивидуалистической точки зрѣнія, слагается изъ личныхъ польвъ; оно требуетъ не только исполненія всѣхъ личныхъ желаній и цѣлей, на сколько это не мѣшаетъ другимъ, но и удовлетворенія ихъ по собственному усмотрѣнію человека. Вслѣдствіе этого оказывается, что существеннѣйшія права вовсе не тѣ, которыя требуются общимъ благомъ, а тѣ, которыя вытекаютъ изъ прирожденной человеку свободы. Такимъ образомъ, если съ одной стороны личное право не вѣрно выводится изъ нравственного начала, то съ другой стороны, самое нравственное начало распускается въ правѣ.

Таже двойственность является и въ ученіи о власти. Гучисонъ отвергаетъ теорію Локка, который, по примѣру общежительной школы, выводилъ всѣ человѣческія обязанности изъ необходимости, налагаемой волею высшей власти. Ссылаясь на Лейбница, онъ указываетъ на то, что самое право повелѣвать должно имѣть основаніе въ нравственномъ законѣ. Это право принадлежитъ тому, у кого есть достаточно мудрости и благодати для управленія подчиненными. Отсюда власть Бога надъ людьми. Но къ человѣческимъ дѣламъ это правило не приложимо, ибо нѣтъ человека, который могъ бы представить неоспоримыя доказательства высшей мудрости и благодати. Поэтому человѣческая власть можетъ быть основана только на добровольномъ подчиненіи ²⁾). Такимъ образомъ, все здѣсь опять сводится къ личнымъ правамъ человека.

¹⁾ *S. of M. Ph. B. II, ch. 3, §§ 3, 5.*

²⁾ Тамъ же, §§ 6, 7.